

В.А. Кожевников

«Цель жизни нашей...» Татьяна Ларина

Татьяна Ларина — единственная цельная натура в романе Пушкина. Никакие внешние причины не ломают ее духовного склада, ее внутреннего мира.

Она — «русская душою». Она — «милый идеал» от начала и до конца романа. Ей одной отдана любовь поэта.

Внешние обстоятельства, которые могли повлиять на Татьяну — и повлияли! — были весьма многочисленны: она, русская душою, лучше говорила и писала по-французски, к примеру...

Но это и другие «противоречия» — внешние черты ее характера, не касающиеся внутренней сути души, действительно русской, ибо она воплотила в себе духовные качества народа — и не только «преданья старины», «сны», «сказки», веру в предсказанья и гаданья и пр., но — веру в Бога.

Как бы к этому ни относиться, но очень многое в характере Татьяны определяется этой верой. И, конечно же, не риторические формулы звучат в устах Татьяны, когда она, переступив через условности светской морали, повинувшись чувству любви, пишет Онегину:

Другой!.. Нет, никому на свете
Не отдала бы сердца я!
То в *вышнем* суждено совете...
То *воля неба*: я твоя.

.
Я знаю, ты мне *послан Богом*...

.
Не правда ль? я тебя слыхала:
Ты говорил со мной в тиши,
Когда я бедным помогала,
Или *молитвой* *успокоила*
Тоску волнуемой души?

.
Кто ты, мой *ангел ли хранитель*,
Или *коварный искуситель*:
Мои сомненья разреши.
Быть может, это все пустое,
Обман неопытной души!
И суждено совсем иное...
Но так и быть! *Судьбу* мою
Отныне я тебе вручаю

В современном нерелигиозном сознании, исключая «мистику», под судьбой понимают стечение обстоятельств в жизни человека или народа. Но в XIX веке верующий человек свои представления о судьбе связывал с божественным промыслом. И Татьяна Ларина в этом отношении не исключение.

В VIII главе, отказывая Онегину, Татьяна следует завету и заповедям любви, одна из которых гласит: «Не прелюбы сотвори».

Но дело не только в этом.

Достоевский писал:

Татьяна «высказывает правду поэмы. О, я ни слова не скажу про ее религиозные убеждения, про взгляд на таинство брака — нет, этого я не коснусь. Но что же: потому ли она отказалась идти за ним (Онегиным) <...> что <...> не способна на смелый шаг, не в силах порвать свои путы, не в силах пожертвовать обаянием почестей, богатства, светского своего значения, условиями

добродетели? Нет <...> Счастье не в одних только наслаждениях любви, а в высшей гармонии духа. Чем успокоить дух, если назади стоит нечестный, безжалостный, бесчеловечный поступок? <...> Какое же может быть счастье, если оно основано на чужом несчастье?.. Скажут: да ведь несчастен же и Онегин: одного спасла, а другого погубила! Позвольте, тут другой вопрос, и даже, может быть, самый важный в поэме. Кстати, вопрос: почему Татьяна не пошла с Онегиным, имеет у нас, по крайней мере, в литературе нашей, своего рода историю весьма характерную... И всего характернее, что нравственное разрешение этого вопроса столь долго подвергалось у нас сомнению».

Отказ Достоевского говорить о религиозных убеждениях Татьяны, не желающей изменить своему мужу, пусть и нелюбимому, вполне понятен и продиктован, судя по всему, простой очевидностью объяснения: для человека верующего (а Татьяна, несомненно, искренне и нелицемерно верила в Бога) следование в жизни требованиям христианского учения есть не подлежащая сомнению норма поведения; ведь сказано же: «Брак у всех *да будет* честен и ложе непорочно; *блудников же и прелюбодеев судит Бог*».

Нет, не боязнь «общественного мнения», как думал Белинский, удерживает Татьяну от гибельного шага, но понимание и осознание ответственности перед Богом за грех удерживают ее, любящую Онегина.

И Машу Троекурову, героиню «Дубровского», останавливает, конечно же, не боязнь огласки, не мнение света, но слова обета, произнесенные во время венчания.

«Обряд был кончен. Она чувствовала холодный поцелуй немилрого супруга, она слышала веселые поздравления присутствующих и все еще не могла поверить, что жизнь ее была навеки окована, что Дубровский не прилетел освободить ее».

Когда же Дубровский все же появился, когда он сказал ей: «Вы свободны», — она ответила:

«— Нет... Поздно — я обвенчана, я жена князя Верейского.

— Что вы говорите, — закричал с отчаяния Дубровский, — нет, вы не жена его, вы были приневолены, вы никогда не могли согласиться...

— Я согласилась, я дала клятву, — возразила она с твердостью, — князь мой муж, прикажите освободить его и оставьте меня с ним. Я не обманывала. Я ждала вас до последней минуты... Но теперь, говорю вам, теперь поздно. Пустите нас».

Нет никаких сомнений и в том, что и Марья Гавриловна из пушкинской «Метели» ни одному из женихов, которые «кружились и тут около милой и богатой невесты», «не подавала и малейшей надежды», потому что была обвенчана.

Случилось так, что она стала женой человека, даже имени которого не знала. Но это — случилось, и преступить запретную черту она не может.

Не может эту черту преступить и Бурмин, однажды в жизни поступивший весьма неосторожно. «Непонятная, непростительная ветреность», «преступная... проказа» — так он сам называет свое неожиданное и непонятное венчание...

Он не знает, с кем он венчался. Он не знает, где он венчался. Но он — венчался. Он женат. И он находит в себе силы отказаться от своего счастья: признавшись в любви Марье Гавриловне, он говорит ей: «Да, я знаю, я чувствую, что вы были бы моею, но — я несчастнейшее создание... я женат!»

Нравственные проблемы «Евгения Онегина» и всего творчества Пушкина не могут быть поняты при их рассмотрении вне христианского учения, без учета того, что XIX век был по преимуществу веком христианской культуры и морали, опиравшейся на более чем 800-летнюю традицию.

Но скажем и о другом. Рассмотрение поступка Татьяны возможно и с точки зрения неких изменчивых норм нравственности, вырабатываемых людьми в процессе исторического развития и обретающих, как утверждают современные философы, «форму безлич-

ного долженствования, равно обращенного ко всем, но ни от кого не исходящего повеления... Выполнение каждым нравственных требований контролируется всеми».

Не станем настаивать на том, что система, в которой «повеление» ни от кого не исходит, а «выполнение каждым нравственных требований контролируется всеми», — плоха. Отметим только, что критерии нравственности в прагматической системе «общественного договора», регламентирующего поведение людей, оказываются на практике не просто зыбкими и расплывчатыми в силу возможности взаимоисключающего их толкования, но ведут к результатам прямо противоположным тем, которые ожидались.

Для Белинского, напомним, смирение Татьяны, ее отказ Онегину, нежелание осквернить семью — безнравственно, ибо безнравственно, по мнению критика, жить в браке без любви... До «новой», кажущейся Белинскому идеальной, морали Татьяна еще не доросла, она еще, по мнению критика, недостаточно развита, она в этом смысле — «нравственный эмбрион»... Она должна была бы оставить мужа и начать новую, «нравственную» жизнь.

Но спросим: не забывается ли при этом, что первый же шаг Татьяны к новой, «нравственной» жизни по любви с любимым человеком начался бы с поступка безнравственного, бесчестного, с обмана, с нарушения добровольно самою же Татьяной данного слова быть верной женой мужу?

Или этим можно пренебречь? Или можно быть счастливым, наслаждаться «нравственной» жизнью, сделав несчастным другого?

Удерживает Татьяну корнями уходящее в народное миропонимание представление о нравственности, христианская мораль и внутреннее, не высказанное словами ощущение, пробуждаемое совестью знание: счастье одних не построить на несчастье других.

Об этой высокой правде, равно справедливой для всех, и напомнил Достоевский.

Нет, своим отказом Татьяна «не погубила» Онегина, не сделала его несчастным, как думается некоторым критикам; скорее наоборот: своим отказом, похожим на принесение себя в жертву, она и Онегина спасла и, может быть, указала ему путь к нравственному, духовному возрождению.

Счастье человека лишь в незначительной степени зависит от внешних причин; оно — в душе человека; и тщетно его искать на путях социального или политического прогресса...

Социально-политические проблемы не играют в романе заметной роли; они уходят на второй, на третий план, но игнорировать их вовсе было бы неправильно уже хотя бы потому, что они традиционно считаются одними из главных в романе (к примеру, даже одиночество Татьяны в своей среде иногда объясняется тем, что ее окружали помещики-крепостники, которые «к крестьянам... относились плохо», а «при посредстве няни она входит в соприкосновение и с трудовой крестьянской средой», и потому, надо думать, привязывается к ней; а Онегин становится ей мил чуть ли не за то, что «в глазах помещиков-крепостников заслуживает в Онегине осуждения, Татьяне представляется достоинством. Онегин не принадлежит к типу Гвоздиных, Скотининых и Пустяковых. Он щедр, бескорыстен. Он испугал всех своим «вольнодумством». Уже этого одного достаточно, чтобы дать пищу «воображению мятежному и сердцу, пламенному и нежному» Татьяны» и т. д.).